Министерство природных ресурсов и экологии РФ
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В.И. Чичеров

Былины на Кенозере

Архангельск — 2015

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)-443
Ч-72

Ответственный редактор — ***Е.Ф. Шатковская***
Научный редактор, составитель — ***В.П. Аникин***
Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"»

Чичеров, В.И.
Ч-72 Былины на Кенозере : [18+] / В. И. Чичеров ; науч. ред., сост. В.П. Аникин ; М-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк «Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Северодвинск, 2015. — 44 с. : ил.

ISBN
Агентство CIP Архангельской ОНБ

В настоящем издании впервые публикуется рукопись «Былины на Кенозере», написанная Владимиром Ивановичем Чичеровым (1907–1957), ученым-фольклористом, литературоведом, доктором наук, профессором, заведующим кафедрой фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова (1953–1957). В.И. Чичеров был участником онежской экспедиции фольклористов Ю.М. и Б.М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» 1926–1928 годов, составителем и редактором книги «Онежские былины» (1948).

Представленная читателям научная статья «Былины на Кенозере», написанная в 1946 году, значительно расширяет знания о былинной традиции Кенозерья и позволяет во многом по-новому оценить вклад сказителей в создание эпического фонда, содержащего былины, исторические песни, песни-баллады. Рукопись отредактирована и передана для публикации Владимиром Прокопьевичем Аникиным, профессором, заведующим кафедрой русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Книга предназначена для специалистов, преподавателей, студентов и широкого круга читателей, интересующихся эпическим наследием Русского Севера.

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)-443

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации

ISBN
© Аникин В.П., составление, вступительная статья, 2015
© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2015
© ЗАО НП «Партнер», 2015

От редактора

Среди бумаг известного фольклориста России Владимира Ивановича Чичерова (1907–1957) сохранилась почти полностью отредактированная машинопись небольшой работы, которую автор желал видеть опубликованной. Машинопись названа кратко «Былины на Кенозере». В поздней энциклопедической справке 1975 года она названа с уточнением «Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8, М., 1975. Столб. 533–534). Кому принадлежит изменение названия, осталось неизвестным, но не мне, как автору названной биографической справки. Суть же концептуального взгляда ученого, уточнявшего исходные позиции на долго занимавший его предмет, в названии определена весьма точно.

Для менявшего свои взгляды на фольклор позднего Чичерова, было естественным разные уточнения. Согласно им, былины кенозерских сказителей принадлежат общерусскому творчеству и одновременно — местному краю. При изменениях эпос выражает, прежде всего, устойчивые традиционные свойства. Северный эпос — только поздняя «редакция» творчества, удержавшего в себе изначальные свойства. Причина тут одна — традиционность, хотя сама по себе устойчивость фольклора никогда не являла той твердости, которая обычна для чисто авторского творчества. Соприсутствие повторений и допускаемой при этом вариативности — характерное свойство всего фольклора.

Работа Чичерова публикуется в том виде, в каком она предстает в машинописи. Внесены лишь немногие необходимые чисто стилистические изменения. Эта правка не меняет сути авторского текста.

Владимир Прокопьевич Аникин,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского устного народного
творчества филологического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Былины на Кенозере

Кенозеро — в прошлом центр эпической поэзии северо-восточных районов Олонецкого края. А.Ф. Гильфердинг, в 1871 году приехавший на Кенозеро в поисках сказителей, писал: «Здесь самый воздух дышит былинами». В 1927 году экспедиция Гос. Акад.Худ.Наук под руководством Б.М. и Ю.М. Соколовых приехала за былинами на Кенозеро. Со времени посещения Кенозера А.Ф. Гильфердингом прошло 60 лет. Это время решительно изменило состояние былевой традиции в Кенозерском крае. Записи прошлого века и послереволюционного времени позволяют представить, как проходила жизнь былин в пореформенное и послереволюционное время на Кенозере. Пути былевой традиции на Кенозере — пути изменений древнего эпоса и развития песен-баллад.

1.

Кенозерские былины относятся к группе северо-восточных былин Олонецкого края. Такой внимательный собиратель и вдумчивый исследователь, каким был А.Ф. Гильфердинг, по диалектологическим и фольклорным признакам делил олонецкие былины на две большие группы, по его терминологии — Прионежскую (следует понимать: Заонежскую, т.е. западного берега Онежского озера) и Северо-Восточную.

Заонежская группа былин характеризуется преобладанием длинного стиха (7–8–9 стопного), множеством вставных частиц и большим размером текстов (до 1000 строк и больше). Эпическая медлительность заонежских былин доведена до предела.

Северо-Восточная группа объединяет Водлозеро, Кенозеро и Каргопольщину. Эта группа не представляет собой ничего целостного. Былины ее, сходные между собой стилистическими признаками (преобладание 5 и 6-ти стопного стиха, меньшее количество вставных частиц в строке, вроде: «да», «ли», «нынь» или «нунь» и др., более живое развертывание действия при меньшем количестве строк), отличаются друг от друга в сюжетном отношении. Различие сюжетов в перечисленных местностях объясняется территориальной обособленностью Выгозера и Кенозера. «С Водлозера на Кенозеро, — писал А.Ф. Гильфердинг, — едешь верст 90 или 100 болотистыми реками, по совершенно безлюдному «сузёмку», на середине которого волок в 5 верст и деревушка.

Этот волок есть водораздел между водами балтийского и беломорского бассейнов. Переехав этот водораздел, замечаешь тотчас некоторую перемену в наречии»[1].

Обособленность Кенозера выделила его по былинному репертуару, но не оторвала от других местностей. На Кенозере, в Заонежье, в районе Каргополя и реки Онеги было много общих сюжетов. Эти общие сюжеты в репертуаре Заонежья и Кенозера составляют основное ядро былевого эпоса. Но популярность отдельных сюжетов в рассматриваемых районах различна.

В Заонежье из цикла былин об Илье наиболее популярны: «Илья и Калин-царь» (21 запись из 500 № Заонежья, т.е. 4% всех записей), «Илья и Соловей-Разбойник» (17 записей; 3,4%). На Кенозере эти сюжеты менее популярны. «Илья и Калин-царь» там записан в количестве 2 вариантов (всего на Кенозере записано 187 текстов; следовательно, 1,1%); «Илья и Соловей» — 2 вар. (1,1%). В наибольшем количестве вариантов из былин об Илье записаны: «Три поездки Ильи» (15 вар., 7,9%; в Заонежье — 6 вар.; 1,2%). «Илья и голи кабацкие» (12 вар., 6,3%; в Заонежье — 1 вар., 0,2%). «Илья и сын» (6 вар., 3,1%; в Заонежье — 5 вар., 1%).

Очевидно, что в цикле былин об Илье на Кенозере наибольшей популярностью пользуются не былины о сражениях с врагами, а былины с усиленным элементом бытовой новеллы. Этому на первый взгляд противоречит «Илья и сын»; но следует припомнить, что здесь в основе лежит сюжет отнюдь не воинский, сюжет встречи и узнания отца и сына, только получивший на русской почве специфическую трактовку из-за включения его в круг киевских былин и подчинения их основной теме — теме защиты родины. На Кенозере вообще приобретают известность и сохраняются те воинские сюжеты, которые связаны с личными переживаниями, разлукой и встречами родственных лиц. Тема семьи, семейных отношений часто является основой для героики кенозерских воинских былин. Характерно, что героические былины не об Илье и не о Добрыне представлены сюжетами: «Братья Дородовичи», «Королевичи из Крякова», «Авдотья Рязаночка» и «Василий Игнатьевич и Батыга» (последняя из названных былин, единственная, выходящая за пределы темы семьи, не принадлежит к числу лучших кенозерских текстов). Заслуживает внимания также и то, что наиболее яркие былины добрынина цикла, показывающие столкновение богатыря с внешним врагом: «Добрыня и Василия Казимирович» и «Добрыня и Настасья-поляница», на Кенозере отсутствуют. Зато, как и повсеместно (в том числе и в Заонежье), особенно популярен сюжет возвращения мужа

на свадьбу своей жены («Добрыня и Алеша» записан на Кенозере в 11 вар.; 5,2% в Заонежье в 25 вар.; 5%). Из других сюжетов значительное распространение имеет «Добрыня и Маринка (Кенозеро — 8 вар.; 4,2%; Заонежье — 5 вар.;1%) и «Добрыня и Змей» (часто контаминируемый с «Маринкой»; Кенозеро — 5 вар.; 2,6%; Заонежье — 10 вар.; 2%). «Добрыня-сват», так богато представленный в Заонежье (19 записей; 3,8%), на Кенозере записан только 1 раз и в сокращенной редакции; 0,5 %). Что касается Алеши Поповича, то он показан исключительно как отрицательный персонаж былины-новеллы. Героическая тема в былинах о нем отсутствует.

Из былин-новелл наиболее любимы на Кенозере «Дюк Степанович» (10 вар.; 5,2%; в Заонежье — 17 вар.; 3,4%), «Василий Буслаев» (7 вар.; 3,6%; в Заонежье — 13 вар.; 2,6%), «Чурила и Катерина» (8 вар.; 4,2%; в Заонежье — 14 вар., 2,8%). «Молодость Чурилы» (5 вар.; 2,6%; в Заонежье сюжет не зарегистрирован).

Остальные былинные сюжеты зарегистрированы на Кенозере немногими записями; но и они подчеркивают преобладание новеллических мотивов в былевом эпосе северо-восточной части Онего-Каргопольщины. В общем же надо отметить, что в этом районе наблюдается несомненное преобладание былин, в которых повествуется или упоминается об Илье Муромце. Это — главный герой эпической поэзии Кенозера; его образ должен рассматриваться особо.

Гильфердинг в 70-х гг. писал, что на Кенозере самый воздух дышит былинами. Видимо ни он, ни, тем более, П.Н. Рыбников, в сборнике которого записи с Кенозера случайны, не исчерпали богатств этой местности. Экспедиция Гос.Акад.Худ.наук 1927 г. на Кенозеро могла пополнить немногое — в 20-х гг. эпическая традиция на Кенозере пришла в явный упадок. Следовательно, нет ясных представлений о всем репертуаре кенозерцев; часть репертуара несомненно утеряна. Но, восстанавливая по сохранившимся данным картину в целом, все же можно сделать вывод о менее активном звучании героических былин на Кенозере по сравнению с Заонежьем. Причины этого не вполне ясны. Может быть, здесь сыграло роль наличие более древней эпической традиции на западном берегу Онежского озера, чем на Кенозере, и большая открытость Заонежья влияниям Новгорода.

Предположение меньшей давности традиции на Кенозере не означает, что там не знали и не пели былин, например, в XYIII в. Вполне возможно допустить существование былин на Кенозере и столетия назад; но зафик-

сированные Гильфердингом воспоминания об умерших певцах не дают такой восторженности отзывов о них, как это имеет место в Заонежье. В Заонежье, называя умершего певца, говорили, что имя его «еще 100 годов не забудется». На Кенозере говорили, что былины переняты от стариков, но имена их в большинстве случаев, не назывались, а если имя и называлось, то это оказывался захожий певец. И только собиратели 20-х гг. нашего века слышали о том, как сказители говорили о современниках Рыбникова и Гильфердинга: «супротив Поромского и Третьякова никого теперь нет». Имена сказителей 60–70-х гг. в XX столетии стали такой же легендой, как в дни Рыбникова и Гильфердинга легендой были имена Елусафьева, Михайлы-слепого и других.

2.

Эпические богатства в 70-х гг. на Кенозере были общеизвестны. Такое состояние былевого эпоса невольно сближает отдельные редакции сюжетов. Слушая былины кенозерских сказителей, А.Ф. Гильфердинг не разделял их на группы, как бы возводя их к общему областному типу. Но, всматриваясь в отдельные тексты и сопоставляя их с записями нашего времени, делается возможным установление различий в былинных сюжетах, установление вариантов разных сказителей.

Среди мастеров былевого эпоса в кенозерской областной традиции особенно выделяются Сивцевы-Поромские, — их варианты в наибольшей мере выявляют специфические черты былин Кенозера и наиболее широко влияли на сказителей современного им и последующего поколения. Биографические данные позволяют установить истоки изводов Сивцевых и указывают на общность традиции Кенозера и района реки Онеги. Гильфердинг родоначальником Сивцевских текстов называет Павла Семеновича Сивцева.

Павел Семенович Сивцев, по прозванию Поромский, умер на шестом десятке лет от роду в 40-х гг. XIX в. Былины он перенял «от стариков в Плесском погосте, что у впадения Кены в Онегу-реку /этот погост соседний с Бережнодубровским, откуда вынес былины Иван Фепонов /сказитель района Пудоги — В.Ч./. Здесь учителями старика Поромского были преимущественно два слепых «петаря» — Шерепкин и Подметкин, оба давно умершие»[2]. Традиция Сивцевых была занесена на Кенозеро с р. Онеги. Она непосредственно продолжила онежские варианты былин, певшиеся в XYШ веке.

П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг записывали былины от сына Павла Семеновича — Ивана Павловича[3]. А.Ф. Гидьфердинг сообщал следующие све-

дения об И.П. Сивцеве-Поромском. «Богатый крестьянин из дер. Поромска, лежащей у впадения речки Пормы в Кенозеро, среднего роста, плотный, еще моложавый, без единого седого волоса, старик 65 лет...Мальчиком Иван Павлович сопровождал своего отца и помогал ему в портняжной работе; тут-то он слушал отца, а иногда и вышепоименованных плесских петарей, «понял старины». Сам он, с тех пор как вырос, почти оставил портняжное ремесло и занимается по большей части земледелием и рыбною ловлею»[4]. Тексты И.П. Сивцева отличаются большой полнотой, мастерством словесного портрета, художественностью отделки деталей. Их можно считать образцами для многих кенозерских сказителей. К вариантам Поромского близки былины, сказывавшиеся Петром Андреевичем Воиновым, Ириной Денисовной Калитиной и отчасти сказителями: Михайлой Ивановичем Тряпицыным, Александром Давыдовичем Костиным, Николаем Ивановичем Кукшиновым, Игнатом Григорьевичем Третьяковым. Перечисленные сказители сохраняют «поромские изводы» в сюжетах «Илья и сын», «Три поездки Ильи», «Ссора Ильи с Владимиром», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Маринка», «Молодость Чурилы», «Чурила и Катерина», «Дюк», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Авдотья Рязаночка». Принадлежность к традиции Поромского исторических песен, бывших в репертуаре Калитиной («Щелкан», «Гришка Отрепьев», «Шведская война», сюда же относится скоморошья былина: «Небылица»), не имеет достаточных доказательств (их нет в репертуаре основных носителей традиции: Сивцева и Воинова). Былины, как о том свидетельствуют собиратели, были восприняты непосредственно от Павла Семеновича Сивцева и через его учеников. Так, например, по указанию А.Ф. Гильфердинга, Петр Андреевич Воинов (из дер. Рыжково на Свином озере у Кенозера) перенял былины от П.С. Сивцева, когда в молодости жил у него в работниках, и от ученика П.С. Сивцева — Захара Андреева (от Андреева ни Рыбников, ни Гильфердинг былин не записали).

Традицию Поромских сохранило и современное 20-х г.г. поколение сказителей. Экспедицией 1927 г. были записаны былины от внуков И.П. Сивцева — Федора Тимофеевича, Ивана Васильевича Сивцевых, родственника И.П. — Ивана Андреевича Сивцева, по прозвицу Волконова (дер. Поромское), племянницы дочери И.П. — Авдотьи Тимофеевны Артемьевой (Пешлахта), соседа и соучастника в мельнице И.П. Поромского — Луки Андреевича Артемьева (Теплицина), Ивана Петровича Худякова (Рыжкова), Ивана Михайловича Калитина (Суетин-остров на Свином озере), Андрея Григорьевича Калитина (Мыза у Суетин-острова)[5].

Значительное количество современных сказителей, сохранивших традицию Поромского, свидетельствуют об устойчивости и широком распространении ее на Кенозере.

Варианты былин Кенозера — Онеги отличаются от вариантов Заонежья. Соответственно сказанному выше о значении образа Ильи Муромца на Кенозере, обратимся, прежде всего к былинам о нем.

И на Онежском озере и на Кенозере популярна былина «Илья и сын». Но на Кенозере в ней своеобразно трактуются образы Ильи и Добрыни. Вообще надо сказать, что былина «Илья и сын» имеет несколько областных типов. На Мезени, Печоре и в Беломорье сюжет боя отца с сыном разрабатывается, включая рассказ об отношениях Ильи с матерью Сокольника /Подсокольника и пр./, рождении и детстве Сокольника и бое его с отцом; часто вводится эпизод убийства матери; во многих вариантах дано подробное описание богатырской заставы. Все эти подробности в Заонежской редакции отсутствуют. Илья обычно встречается в поле с врагом и вступает с ним в бой. Варианты р. Онеги, откуда вынес Поромский варианты былин, примыкают к северным, а не Заонежским редакциям. Рыбников дает онежский вариант 60-х гг.; он записал «Илью и сына» от крестьянина Латышева из дер. Кузнецовской Бережнодубровской волости, соседней с Плесским погостом, где жили учителя Павла и Ивана Сивцевых.

Вариант Латышева начинается развернутым описанием заставы с характеристикой отдельных богатырей. Илья посылает Добрыню навстречу вражескому богатырю, но Добрыня, едва доехал до Сокольника, как падает от его крика с коня и возвращается к Илье. Илья едет сам, вступает с Сокольником в бой; сначала побеждает Илью Сокольник, затем побеждает Илья. Побежденный Сокольник едет к своей матери Латымирке, рассказывает ей о бое и узнает, что бился с «батюшкой Ильей Муромцем». Сокольник возвращается к Илье, пытается убить его, когда тот спит, но погибает сам[6].

Все кенозерские варианты в большей или меньшей мере приближаются к изложенному онежскому. Наиболее близки ему варианты дефектные: Третьякова, Костина и Кукшинова. В них сохраняется описание богатырской заставы и неудачной поездки Добрыни. Но эпизоды эти сокращены. Приведем перечень богатырей, изображенных на заставе и их характеристику в Онежском и Кенозерском вариантах.

а) **Латышев** (дер. Кузнецовская на р. Онеге)

Выходит старый казак Илья Муромец,
Сам говорил таковы слова:
— «Кого мне послать за богатырем?
Послать мужиков Залешаньев, —
Мужики Залешане беда дремать,
Продремлют богатыря во чистом поле;
Послать Фому Долгопологo, —
Фома Долгополый беда зевать.
Прозевает богатыря во чистом поле;
Послать семь братьев Грядовичев, —
Ребята-то были молодые,
Ни за что их головушка в чистом поле;
Послать Алешеньку Поповича, —
Алеша Попович зарывчат был,
Изорвет силу до богатыря;
Послать Добрыню Никитича!»

б) **Третьяков** (дер. Рослякова на Кенозере)

На заставе (см. стр. 3–12) перечисляются Илья Муромец, Добрыня Микитьевич, Алеша Попович млад., Полешанин да Долгополянин, Лука, Моисей — дети боярские; характеристика большинства их утеряна. Сохранены строки:

— «Кому у нас ехать за богатырем с угоною?
Послать Лука, Моисея — боярских детей,
Они ли роды-то боярские,
Они проспали житьё — богачество.
Послать Добрынюшку Микитича!»

в) **Кукшинов** (дер. Кенозерская)

На заставе (см. стр. 5–8) три богатыря: Илья, Добрыня и Алеша.

— «Кому из нас ехать за богатырем?
Послать нам Алешу Поповича, —

Поповские роды задумчивы,
Хошь сам он падет, хошь богатыря убьет,
Не спросит ни имени, ни вотчины;
Послать нам Микиту Романова!»

г) **Костин** (дер. Кузминская)

На заставе стоят: Илья Муромец, Добрыня Микитьевич, Микита Романович. Илья сразу решает послать Добрыню.

Забвение перечисляемых былиной богатырей в цитированных вариантах может быть результатом распадения текста. О дефектности вариантов Третьякова, Кукшинова, Костина свидетельствует отсутствие отдельных эпизодов сюжета и традиционного окончания былины /попытка убить Илью; Илья, узнав сына, посылает его с поклоном к его матери / № 246/, меняется крестами с вражеским богатырем Алешей Дородовичем / № 250/, отпускает Петра Золотничанина на волю / № 265/.

Наряду с указанными дефектными, но все же выясняющими общие черты традиции, текстами на Кенозере есть особая редакция былины, своеобразно развертывающая сюжет и оказавшая несомненное влияние даже на деформированные варианты. Это редакция Сивцевых-Поромских, представленная вариантом И.П. Сивцева, Петра Андреевича Воинова, Ирины Денисовны и ее сына Ивана Матвеевича Калитиных. Построение сюжета извода Поромских близко онежским вариантам.

Илья и Добрыня выезжают из Киева, останавливаются на заставе. Черный ворон предсказывает несчастье. Добрыня видит чужеземного богатыря /описание внешности богатыря/ и рассказывает о нем Илье. Илья посылает Добрыню; Добрыня отказывается и тогда Илья отсылает Добрыню домой. Илья сам едет за богатырем, догоняет его, вступает с ним в бой. Богатырь побеждает Илью; Илья сбрасывает с себя богатыря и побеждает его. Илья узнает в богатыре сына и посылает его с поклоном девке Северьяничне. Богатырь узнает от матери, что Илья его отец, возвращается к Илье, вызывает его на вторичный бой, в котором Илья убивает сына.

Сюжетное построение выдержано в деталях всеми вариантами. Сохранены даже некоторые имена. С незначительными вариациями, например, звучит формула признания богатыря.

а) **Сивцев-Поромский**
— «Да не знаю я себе родного батюшка,
Да одна, у меня есть родная матушка,
Да старая девка Сиверьянична»[7].

б) **Воинов**
– «Я из западных стран, из Золотой орды,
Я Петре-царевич Золотничанин.
Я спорожен от девки Сиверьяничны,
А не знаю родителя-то батюшка»[8].

в) **Калитина**
– «Я есть сиверной страны да Золотой орды,
Да есть девицы Сиверьяничны»[9].

Формулы аналогичные цитированным можно найти в вариантах других сказителей Кенозера. Костин пел: «А мать моя девка Сиверьянична»[10]; Третьяков: «Я есть-то ведь из Золотой орды, Петр царевич Золотчанин»[11].

Указанные имена и названия географических местностей, разумеется, не были созданы Поромским, но наличие их в вариантах одной местности, одинаково или сходно разрабатывающих сюжет, свидетельствует о местной традиции, наиболее ярко выраженной семьей Сивцевых. Не имея данных утверждать, что варианты Павла Семеновича и Ивана Павловича Сивцевых были истоком традиции (тексты их учителей и других учеников Шерепкина и Подметкина, неизвестны), мы имеем право называть традицию их именем, как наиболее выдающихся сказителей Кенозера, передавших свое искусство другим мастерам и исполнителям былевого эпоса[12].

Существенной подробностью, имеющейся в вариантах Поромского, Воинова и Калитиной, является рассказ девки Сиверьяничны, об обстоятельствах встречи.

«Когда ездила я во чисто поле поляковать,
Съезжались мы с им на поединочку,
Он меня побил да тут и грех творил, —
Оттого ты, дитя мое, зарождено!»[13]

Древний эпический мотив брака и предшествующего ему боя с женщиной, не имеет ничего общего с сюжетом «Рустама и Зораба», обычно связываемого с былиной об Илье и Сокольнике. Этот мотив в кенозерских былинах звучит кратким отзвуком; он более подробен в вариантах Печоры, Мезени, Беломорья, но отступает в Заонежье. К этой детали могут быть добавлены и другие, менее значительные.

В целом, кенозерская вариация былины о бое Ильи с сыном и по общей для всех их схеме, и по деталям, отличающим отдельные тексты, противостоит Заонежью, принимая наиболее законченный вид в вариантах Ивана Павловича Сивцева и его ближайших учеников. При всем том общие черты кенозерских вариантов не позволяют утверждать об отсутствии расхождений в них. Даже наиболее близкие к вариантам Поромского тексты Воинова и Калитиной (а, следовательно, и Данилы Нечаева, ее отца, певшего, по свидетельству Калитиной, те же варианты и умершего лет за 40 до приезда Гильфердинга на Кенозеро) имеют отличающиеся детали.

Такие же связи, допускающие расхождение в деталях, можно видеть и в других текстах Поромского и близких ему сказителей. Из цикла былин об Илье выделяется популярностью на Кенозере былина «Илья и голи». Сюжет ее встречается и в «чистом» виде и в контаминированном с сюжетом Идолища Поганого /вар. Костина, Калитиной/ и с «Ильей и разбойниками» /вар. Кукшинова/. «Илья и голи» в самостоятельной редакции даны Тряпициным и Меньшиковой. К самостоятельной редакции приближается текст Поромского, связывающий, как звено контаминации, и чистые тексты.

Кенозерская былина об Илье и голях рассказывает, что Илья каликой перехожей приходит в город из дальнего пути, проходит в кабак и просит дать ему вина. Целовальники не дают Илье вина под заклад креста и тогда вино покупают голи и поят Илью. Илья пьет вино, затем идет в погреба, вышибает дверь и поит голей.

Изложенный коротко сюжет обнаруживает существенные различия с вариациями его в других местах. Нередко /ср. в Пудоге/ Илья приезжает из богатырской поездки /а не приходит каликой/ и является на пир Владимира, где его обижают, и он, буйствуя, идет в кабаки и там гуляет с голями. Известны и другие редакции сюжета. Кенозеро строго придерживается изложенной разработки его и в кратких вариантах /Меньшикова/ и в распространенных /Тряпицина/. Распространенные варианты детализируют подробности, вводят частности.

Для примера можно провести сопоставление отрывков былин.

Меньшикова

А. Приход Ильи
Идет тут калика перехожая.
Ее волосом бел, а бородой
седат,
А гуня на калики сорочинская.
А трунь на калики трипетова.

Б. Речь целовальников
Говоря чумаки-де, целовальники:
– Как не во что, старому те верите,
Муниця на тебе ведь веретном
тряхнуть.

Тряпицын

Идё калика перехожая
Балахонишко одето веретном
тряхнуть[14];
Татавурищом он подпоясался,
Лапотцы на ножках его липовы,
Бородушка у старого седёхонька,
Головушка у стара на убел бела.

Говорят чумаки-чёловальники:
– Тебе не во что, старому,
поверити,
Да головушка у старого седенька,
Да бородушка у стара на убел бела,
На головушке у старого зелён
колпак
Да сорочишка — одежда
исприношена.

Более полный вариант Тряпицина сохраняет и конец былины, отсутствующий у Меньшиковой. По тексту Тряпицина чумаки-целовальники, видя бесчинства калики и пьянство голей, бегут к князю с жалобой. Князь зовет к себе неизвестного ему калику, но Илья уходит на заставу только крикнув Владимиру, чтобы он брал за вино деньги с Ильи Муромца.

Переодевание Ильи каликой — мотив известный в былевом эпосе по сюжету «Илья и Идолище Поганое»: Илья, переодетый каликой, является или в Киев к Владимиру, или в Царь-град к Константину. Второй вариант имени можно считать основным: Владимир в былине об Идолище появляется в результате циклизации эпоса вокруг Киева.

По ассоциации с мотивом переодевания Ильи в кенозерских редакциях «Голей» появляется Царьград и князь Константин Боголюбович. Не выходя за пределы типического для Кенозера сюжета, Поромский начинал свой вариант словами:

«От стольняго города от Киева
Да идет там калика перехожая,
Старой волосом бел, бородой седой,

Да на старом были гуня сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюша у калики свинцовая.
Да идет ли старик, подпирается,
Да йно мать-земля-то колыбается.
Да пришел-де старик-от во Царь-град»[16].

Сюжетные отклонения варианта Поромского от выше названных Меньшиковой и Тряпицина весьма незначительны. Наиболее существенное из них то, что Илью зовут к Владимиру не слуги, а чумаки-целовальники, за что он их побивает. Во всем же остальном все три варианта точно повторяют основные мотивы сюжета. Поромский только ставит имя Константина Боголюбовича там, где Меньшикова и Тряпицин сохраняют имя Владимира.

Тряпицын	Поромский
– «А й ты Владимир-князь столенкиевской! Получай-ко сумму за зелено вино Ты с донского казака ли с Ильи Муромца.	– «Ты-де, батюшка-царь Костянтин Боголюбовец! Да ищи казну за Ильей славным Муромцем, Да приходил к тебе на славу на велику, Да и пить зелено вино безнадежно,
Я пойду теперь старик во чисто поле, И на ту пойду дорогу на латынскую, И на ту пойду заставу богатырскую, Да под тот пойду старой под сырой дуб».	Да ушол-де старик а во чисто поле Да раздергивал в поле бел шатер».

Слияние Киева с Царьградом, замена князя Владимира царем Константином Боголюбовичем, произошедшая из-за включения в былину мотива переодевания Ильи, приводит в конце концов к контаминации сюжетов «Ильи и голей» и «Ильи и Идолища» (см. тексты Костина, матери и сына Калитиных).

Костин, как рассказывает А.Ф. Гильфердинг, мальчиком ходил по миру. Кроме старин, напечатанных в «Онежских былинах», он «пел про Добрыню совершенно сходно с Воиновым и про смерть Чурилы одинаково с Сивцевым»[17]. Не выпадает из традиции Поромских и его былина «Илья и голи», названная в сборнике Гильфердинга «Ильей и Идолищем»

и контаминирующая эпизоды обоих сюжетов. Приход Ильи в необычайной одежде мотивирован традиционной для былины об Идолище встречей со старчищем и разговором с ним о жизни в стольнем городе. Отклоняясь от обычного повествования об Идолище, Костин далее включал эпизод из «Голей»: Илья приходит в кабак, требует у чумаков-целовальников вина; Илью поят голи и Илья из погребов выкатывает им бочки вина. Далее идет встреча Ильи и Идолища с традиционным разговором о едепитье и смертью «Едолища по прозванию Батыги Батыговича» от удара Ильи шляпой сорочинской.

Иной характер носит контаминация сюжетов в варианте Калитиной[18]. Ир. Ден. Калитина соединила «Илью и голей» и «Илью и Идолище» как два самостоятельные, но продолжающие друг друга сюжета. Композиционно вариант Калитиной делится на две самостоятельные части, связанные общим зачином:

«От славного батюшка от Царьграда
Пролегала путь-дороженька широкая...»

Первая часть вполне точно воспроизводит вариант голей Поромского — Меньшиковой — Тряпицина; вторая — кратко пересказывает встречу Ильи с Идолищем /пересказ сохраняет основные эпизоды былинного сюжета и имеет много общего с вариантом Костина/. Обе части заканчиваются варьированной, но единой в своей основе, формулой, дважды повторенным в былине исходом.

I часть

«Да и свет-государь наш Владимир-князь!
Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
Да ищи ты на Ильи славном Муромци,
Ён на славу приходил в стольний Киев-град!»[19]

II часть

«Уж ты, царь Константин Боголюбович!
Обери-ко ты поганое тулово,
Да живи-жо ты в Царе-гради по старому,
Да моли-тко ты бога за Илью за Муромца,
Он на славу приходил в славный Царь-от-град».

Средние строки, звучащие как вывод из предыдущего повествования, обрамлены строками исхода, отделяющими одну часть былины от другой и оканчивающими все произведение.

Разнообразие разобранных вариантов, объединяемых с текстом Поромского, не уничтожает общности их основы. Все они строятся в пределах одной сюжетной группы и допускают только отклонения в частностях, свидетельствующие о свободном творческом отношении на Кенозере к народной былевой традиции в пору деятельности А.Ф. Гильфердинга. В конце 20-х гг. XX в. такой свободы варьирования текстов у рядовых певцов Кенозера уже не встречалось. Былина об «Илье и голях» сохранилась в устойчивой редакции, восходящей к варианту Поромского и через него же — Калитиной. Четыре варианта, записанные на Кенозере в 20-х гг. / от Ф.Т. Сивцева, Л.А. Артемьева, И.М. Калитина, А.Г. Калитина/, точно воспроизводят известные по записям 70-х гг. варианты. Допускаемые отклонения от варианта И.П. Поромского — контаминация с другими сюжетами, — имело место и раньше. В записях 70-х гг. известна, например, помимо естественной для Кенозера контаминации «Голей» с «Ильей и Идолищем», контаминация с эпизодом встречи с разбойниками из «Трех поездок Ильи»[20]. Запись 1927 г. от Луки Артемьевича также соединяет сюжет «Голей» с строками из «Трех поездок Ильи» и помимо того с былинами «Соловей-Разбойник» и «Илья и Идолище». Мотивы «Соловья-Разбойника», обрамленные сюжетами «Ильи и голей» и «Ильи и Идолища», имеют характер случайной вставки, внесенной сказителем, забывающим подлинное течение сюжета былины.

Наиболее разнообразно в цикле былин об Илье варьируется текст самой популярной на Кенозере былины «Трех поездок Ильи Муромца». Развитие этой былины во всех вариантах общее.

Илья наезжает на камень-росстань с указанием трех дорог /убиту быть, женату быть, богату быть/ и едет в дорогу, где убиту быть. По дороге он встречает разбойников, требующих у него богатств, и побивает их. Затем Илья едет в дорогу, где женату быть, встречает королевичну, предлагающую ему лечь на постель к стене, бросает ее на постель; королевична падает в погреба; Илья освобождает царевичей-королевичей. Наконец, Илья едет в дорогу, где богату быть, находит клад и строит церкви.

Композиционно былина строится из зачина и трех самостоятельных, несвязанных друг с другом, эпизодов поездок. Это приводит к отпадению в некоторых вариантах второй и третьей поездок и к включению их в другие былинные сюжеты. /Ср. пудожские варианты былины о «Добрыне и Марин-

ке», включающие эпизоды из 2-й поездки Ильи/. Большинство кенозерских вариантов указанное построение выдерживают полностью. Но, совпадая в построении, они не имеют общности в текстовом оформлении. Даже словесные формулы вариантов отличаются друг от друга. Сопоставление формулы обращения Ильи к разбойникам обнаруживает это.

Наиболее близки формулы **Поромского, Третьякова и Тряпицина**[21].

Поромский

«Да вы, разбойники братцы станичники!
Вам убити-де старого меня некого.
Да отняти у старого нечего!
Да с собою у меня денег семь тысячей,
Да точмяна узда в целу тысящу
Да ковано мое седло в девять тысящей,
Своему-де я добру коню цены не знай...»

Третьяков

«Вы ой же станичники-разбойники!
И бить меня, старого, некого,
Пограбить у старого нечего,
С собой-то казны да не случилосе,
С собой-то казна одна пятьсот рублей...
Седелко черкальское в две тысящи,
Узда-то течмяная в пятьсот рублей...»

Тряпицын

Ай же вы, воры-разбойники,
Ай же денные подорожники!
И бить меня, старого
Да бить меня, старого, вам непочто,
И бить меня, старого, незачто
На кони у меня узда е во пятьсот рублев..
И на кони е седло в целу тысящу...
Свому доброму коню да я цены не знай»

Совпадение элементов цитированной формулы не позволяет, однако, отождествлять все три варианта. Вслед за речью Ильи варианты расходятся в деталях. По варианту Поромского Илья побивает разбойников шапкой с буйной головы /у Третьякова: шеломом с буйной головы/, во второй поездке Илья встречает королевичну возвращающейся от обедни из церкви /у Третьякова: выходящей из палат/; выпустив молодцов из погребов, он казнит королевичну, срубая ей саблей голову /у Третьякова: расстреливает/; в третьей поездке Илья находит клад в погребе под крестом и строит церковь, после чего каменеет /у Третьякова: клад находит в погребе; мотив окаменения Ильи сохранен/.

По варианту Тряпицина Илья побивает разбойников мечом и копьем; во второй поездке королевичну он находит у шатра в чистом поле; о казни королевичны ничего не говорится; эпизод с поисками клада заменен рассказом о том, как Илья разгоняет из кабака голей. Как видно, тексты Поромского и Третьякова ближе друг другу, чем к тексту Тряпицина. Тряпицинский текст отступает от них в ряде деталей, но все же примыкает к этой группе былин. Вариацию текстов Поромского-Третьякова представляет также былина, записанная от Гурьбина.

По деталям сюжетного строения вариант Гурьбина ближе тексту, записанному от Третьякова, чем от Поромского. В варианте Гурьбина Илья также побивает разбойников шлемом /синоним шапки варианта Поромского/; во второй поездке королевична встречается Илье у теремов; Илья королевичну расстреливает; в третьей поездке клад обнаруживается в погребах.

Рассмотренные четыре варианта былины, несмотря на отличия, все же могут быть объединены в одну группу. Их роднит самостоятельное развитие сюжета /воздействие других былин минимально/, близость отдельных формул и наличие некоторых общих деталей: убийство разбойников шапкойшлемом, встреча королевичны у палат /шатра/ или у церкви и расправа с ней /срубание головы, расстреливание/, заключение былины /в вариантах, сохранивших конец/ эпизодом окаменения Ильи /образования мощей/. По степени близости варианты могут быть расположены в следующем порядке: Поромский, Третьяков, Гурьбин, Тряпицин. Текст Тряпицина наиболее дефектен /ср., например, в нем забвение третьей поездки/.

Соединение текстов этих сказителей в одну группу не снимает указанной выше особенности: свободного варьирования былины. Из вариантов этой группы должны были в традиции сохраниться такие, которые наиболее ясно выразили традиции коллективного творчества, связанные с личным мастерством сказителя. В условиях бытования былин на Кенозере традиционными стали былины И.П. Сивцева-Поромского. Мастерство этого сказителя

действительно было выдающимся. О Сивцеве-Поромском А.Ф. Гильфердинг писал: «Это лучший из кенозерских певцов... У Сивцева былины отличаются большею полнотою и складностью»[22]. Как бы то ни было, наряду с другими былинами Сивцева современные сказители переняли и его вариант «Поездки Ильи Муромца»; по записям 1927 г., опубликованным в сборнике Ю. Соколова и В. Чичерова «Онежские былины», варианты Луки Андреевича Артемьева /д. Телицино/ и Авдотьи Тимофеевны Артемьевой /д. Першлахта/ точно сохраняют извод Поромского. Оба текста воспринимают указанные выше детали варианта Поромского, сохраняют и его формулы. Выборочное сопоставление вариантов подтверждает их органическую связь.

Поромский
Зачин
Да ездил там стар по чисту полю,
От младости ездил до старости.
Да хорош был у старого добрый конь,
За реку-то перевозу мало спрашивал...

А.Т. Артемьева
Зачин
Ездил-то старый цистым полем,
Ото младости ездил и до старости.
От старости издил до гробовой доски.
Да хорош был у старого добрый конь,
За рику-то привозу ни спрашивал,
Вси они рики озера пирискакивал...

Поромский
Расправа с разбойниками
Да скочил-де старик со добра коня,
Да хватил-де он шапку со буйной головы,
Да и начал он шапкой помахивать,
Дак куды-де махнет-туда улица,
Да назад отмахнет — переулочки.
Да разбил он станицу разбойников,
Да разбойников разбил, подорожников.

Артемьев /А-в/; Артемьева /А-ва/:
Расправа с разбойниками
/А-в/ Свернулся он да со добра коня,
/А-в/ Да брал шапку свинцовую,
/А-ва/ А фатил свою шляпу со буйной головы.
/А-в/ Куда махнет — туда улица.
/А-ва/ А куды он махнёт — туды улушка,
/А-в/ Назад махнет — да переулоцик.
/А-ва/ А назад отманё пириулоцек
/А-в/ Да прибил разбойников, до одного
Не оставил разбойников на семена.
/А-ва/ А всих ён взял разбойников
А всех прирубил подорожников.

Отклонения вариантов Артемьева и Артемьевой от извода Поромского, как можно видеть по приведенному сопоставлению текстов, весьма незначительны. Современные варианты оставляют почти неизменной словесную ткань текста Поромского, допуская в отдельных случаях пополнения формулы, замену одних слов другими, иногда выпадение эпизода. Так, Артемьева, спев о первых двух поездках, сказала: «А третью дорожку, где богатому быть, забыла. Да и не знала!». Лука Артемьев, пропев о кладе, найденном в погребе под крестом, добавил словами: «Тут он собрал злато-серебро под камнем. Да будто бы тут он окаменел».

Наряду с текстами, разрабатывающими сюжет поездок Ильи вполне самостоятельно, на Кенозере бытовали варианты былины, явно зависящие от других эпических сюжетов, часто более древних по происхождению. К ним относятся тексты Кукшинова, Андрея и Харлама Гусевых. Вариант Кукшинова представляет собой контаминацию «Поездок Ильи» и «Ильи и голей». Сочетание этих двух сюжетов вносит некоторые изменения и в устойчивые формулы былины. Так, рассматривавшаяся выше формула обращения богатыря к разбойникам в устах Кукшинова звучит в следующей редакции:

– «Вы ай же, воры-разбойники,
Вы ай же, ночны подорожники!
Чего вам у стара захотелось?
Денег у мня теперь не было,
Только есть один крест полтора пуда,
Из самого червонного золота»[23].

Червонный крест цитированной формулы, возможно, проник в вариант Кукшинова из эпизода заклада Ильей креста в кабаке. Формула, за исключением двух вступительных строк, не имеет ничего общего с цитированными выше текстами.

Повествования о второй и третьей поездке из варианта Кукшинова вовсе выпали, заменившись эпизодом прихода Ильи в кабак и гульбы с голями. Расправа с разбойниками строится по образцу расправы с татарами в былине об Идолище Поганом /«Ухватил он разбойника за ногу, начал разбойником помахивать...»/. Внесение в эту былину элементов борьбы с Идолищем, как указывалось выше /ср. варианты Костина, Калитиных/, обычно на Кенозере.

Былина Кукшинова все же не представляет особенно большого интереса для выяснения вариантов сюжета на Кенозере; она — результат забвения эпической песни сказителем[24].

Гораздо важнее тексты упомянутых выше отца и сына Гусевых. Андрей Тимофеевич Гусев, крестьянин дер. Заболотье, «выучился былинам у сторонних людей, у которых жил в работниках». Воспринятое искусство он передал своему сыну, Харламу Андреевичу, которому в бытность Гильфердинга на Кенозере было лет 40.

Былина «Три поездки Ильи Муромца» в редакции Гусевых интересна заимствованиями из «Ставра» и «Дюка Степановича», вплетенными в эпизод встречи Ильи с разбойниками. Подобно тому, как Владимир у Ставра спрашивает, почему не тощится золотая казна, почему не изъезживаются кони, разбойники у Ильи выспрашивают о причине такой высокой цены конской упряжи и слышат ответ:

«Потому у мня седелышко дорого,
Орлено было перьем орлиным.
А не тот ли орел по горам летал,
А тот ли орел по морям летал...» и т.д.[25].

Диалог Ильи и разбойников вырастает в самостоятельный эпизод на основе заимствования из других былин. Этот диалог, имеющийся в обоих гусевских текстах, не был устойчив. А.Т. Гусев выводил описание орлиных перьев в объяснение Ильи о необычайной ценности седла; Х.А. Гусев дробил описание из «Дюка» на две части, связывая его с описанием драгоценной узды и шапки.

Совпадая сюжетно во всем остальном с изводом Поромского, варианты Гусевых отличаются от них своим текстом. Гусевы начинали былину подробным описанием коня Ильи и богатырской поездки. Вслед за наездом на камень-росстань шла встреча с разбойниками и разговор с ними, использующий элементы былины о Дюке. Встреча с королевичной во второй поездке Ильи менее оригинальна в вариантах Гусевых, но казнь королевичны более эпична — Илья разрывает ее, а не расстреливает или отрубает голову, как у Поромского и Третьякова /допустимо и здесь видеть влияние другой былины — об Илье и сыне, былины популярной на Кенозере/. Клад Илья находит под камнем /а не в погребах/, строит церкви и возвращается на росстань /но не каменеет/. Перечисленные эпизоды обнаруживают особые черты второй группы былин о поездках Ильи. Различие между вариантами Поромского-

Тряпицина и Гусевых подчеркивается отдаленностью текстового оформления обеих групп.

Подобно тому, как редакция Поромского сохранилась у его учеников, в 20-х гг. еще жила и редакция Гусевых. Она была сохранена, например, сказителем Куколевым. Сохраняемый им извод Гусевых не остался неизменным. Гусевский текст сократился; неустоявшиеся заимствования из других былин (из «Дюка») исчезли. Несмотря на разрушенный ритм куколевского варианта, связи его с редакцией Гусевых весьма ощутительны.

А.Г. Гусев

А й реки, озера перескакивал,
А мхи-ты, болота промеж ног пустил,
Поехал путем по дороженьки,
На дорожки лежит сер-горюч камень,
На камешки подпись подписана...
.....

И поехал путем по дороженьки,
И по дороженьки сорок тысяч разбойников,
И тут атаман со атаманью
И захватили у старого добра коня
.....
– «У меня то, у старого взять нечего.
Уздица у меня во пятьсот рублев,
А седелышко-то целу тысячу
А батюшку Бурушку сметы нет,
Самому старику мне-ка смерти нет...»

Куколев

А реки-то, озера перескакивал,
А мхи-то, болота промеж ног пустил.
А ехали-то сильнии-то могуции богатыри
Да тут ёны путем-дороженькой широкие...
А у тех дороженьках лежал горюць ка-мень
А на том камни была подпись подписана
.....
Во широкую ехал да путем-дороженькой да широкой,
А стоит во цистом поли сорок тысяцей да тут разбойников,
Зафатили видь у старого добра коня.
.....
— «Ах от старенька вам взятии нецего,
Только уздиця тисмяна во пятьсот рублей,
А седелышко было тут церкаськое во тысяцю,
А Бурушко тут батюшко сметы нет,
А старику да тут смерти нет...»

Проведенное сопоставление переходных мест и формул достаточно убедительно свидетельствует о родственности текстов. Сюжетная линия гусевского варианта также сохранена Куколевым. Илья побивает разбойников разбойником; с королевичной встречается у златоверхих теремов, когда привязывает коня к кольцу золоченому /формулы диалога Ильи с королевичной одинаковы/; в третьей поездке Илья находит клад под камнем.

Нам неизвестно, как Куколев воспринял редакцию Гусевых — непосредственно от них или через кого-нибудь другого; можно предположить также, что куколевский и гусевский варианты восходят к какому-то общему для них. Как бы то ни было наличие этих вариантов, отличающихся от текста Поромского, позволяет утверждать: на Кенозере в 70-х гг. XIX в. существовало несколько изводов былины о «Трех поездках Ильи». Видимо в отношении, по крайней мере, некоторых сюжетов распространять традицию Поромского на все эпическое наследство Кенозера не приходится. Традиция Поромского на Кенозере существует, как одна из редакций народного былевого эпоса, образующихся там, скорее всего в 70-х гг. Время появления этой традиции определяется существованием в 70-х гг. текстов, близких /но не тождественных/ вариантам Поромского.

Традиция Поромского, по общему характеру образов, по схемам не отделяется от менее значимых традиций Кенозера. Мастерство сказителя в былинах, певшихся Сивцевыми-Поромскими, подчеркивает то, что в большей или меньшей мере выражено и в других былинах этих мест.

Подводя итог сказанному в связи с разбором былин об Илье, можно утверждать, что образ этого главного богатыря в эпической традиции Кенозера был показан не столько в героике подвигов, сколько в быту. Тема защиты Руси от «татаровей» в кенозерских вариантах не подчеркнута — в этом принципиальное отличие былин об Илье Кенозера от заонежских редакций. Даже чисто героические былины вводят черты бытовых взаимоотношений. Типично воскрешение в сюжете боя отца с сыном, мотива любовной связи богатыря; в сюжете трех поездок — сочетание расправы с разбойниками с пиром у королевичны. Илья — герой повседневной жизни и его взаимоотношения с другими персонажами былины в большинстве случаев обнаруживают созревающий в условиях быта, общественных отношений социальный конфликт. Не случайна популярность на Кенозере «Ильи и голей», былины с яркой оппозиционной тенденцией...[26]. Поромский — как сказитель Кенозера наиболее сильно акцентировал моменты социального конфликта. В былине о «Добрыне и Алеше» он сохранил известную в разных редакцию резкую речь Добрыни:

– «Да свет государь ты Владимир-князь!
Кабы ты-де был, а не Владимир-князь,
Назвал бы тебя я ужо сводником,
Да государыню-княгиню бы я сводницею...»[27].

В его творчестве князь изображается средствами сатиры. Он — трус, готовый за взятку простить преступление (ср. «Молодость Чурилы»), он бессильный глава княжества. Все эти черты былинного князя у кенозерцов представлены как бытовые, и только иногда — в обстоятельствах, требующего от правителя мудрости и героизма. Героические эпизоды в кенозерских былинах присоединены к бытовым как дополнение и развитие их. Именно по этой причине сюжеты о Калине-царе, Идолище, вообще, рассказ о борьбе с разбоем обычно контаминированы на Кенозере с повествованием о поездках Ильи, с рассказом о его пиршестве с голями. И.П. Сивцев-Поромский, отчетливо сохранил эту особенность кенозерских былин в трех историях: «Илья и голи» (с отзвуками «Идолища»), «Илья и сын» (с повествованием о связи Ильи и Северяничны) и в рассказе о «Трех поездках Ильи». При преобладании бытовых мотивов все эти истории остаются рассказами о силе и мужестве Муромца как главного среди воинов на богатырской заставе, подначальные ему воины слушаются его. И даже Добрыня вызывает порицание, как только страх прокрадывается в его сердце.

– «Когда не смеешь ты ехать за богатырем,
Дак больше мне в товарищи не надобно.
Поезжай-то назад ты во Киев-град,
К молодой-то жены да к своей матери!»[28].

Смелость и независимость Ильи выделяет его даже среди богатырей. Его буйство — только дополнение к основным чертам, которыми Илья вообще характеризуется в русском эпосе. Значение Ильи как старшего богатыря отображено и в тех былинах, в которых он играет эпизодическую роль. Так, в былине о «Добрыне и Алеше» после речи Ильи Добрыне «наказывают» воинскую службу. Илья в той же былине едет к Добрыне в чисто поле, учит его, как биться с Бабой-Ягой и предупреждает богатыря о несчастье случившемся у него дома.

Илья Муромец объединяет всех богатырей, показанных в большинстве случаев бегло. Среди других богатырей наиболее значителен Добрыня. Ска-

зители, связанные с Поромским единством традиции, о нем пели былины: «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Маринка» (иногда контаминируется с «Добрыней и Змеем») и осколок забытой былины о Скимене-звере в сборнике Гильфердинга «Отъезд Добрыни» (№ 234, стр. 1127–1128).

Как и былины об Илье, былины Добрынина цикла были перенесены с Онеги. Например, редакция Поромских «Добрыни и Алеши» начинается с запева:

«Из-за гор-то было из-за высоких,
Из-за лесу-то было, лесу темного
Да повышла, повышла-повыкатила
Да широка-та матушка быстра Волга-река,
Да широкая-то Волга под Казань прошла,
Да пошире, подале под Вастракань,
Да широки перевозы под Новым-городом,
Темные леса смоленские
Да тихие плесато чижарецкие;
Да места шла ровно три тысячи,
Да рек и ручьев брала — сметы нет,
Да выпала во море Коспийское.
Да то-де Добрынюшке не сказочка,
Да теперь старины его начал пойдет»[29].

Онежские варианты, по записям П.Н. Рыбникова, имеют аналогичный запев, отсутствующий в других изводах Кенозера. Так, вариант калики из Красной Ляги начинается запевом:

«Повышла-повыкатилась Волга-матушка река,
Местом шла она три тысячи,
Рек побрала — того сметы нет,
А перевоз дала в стольном городе во Киеве...»[30].

Былины, записанные от Поромских, в отличие от других кенозерских вариантов сохраняющие запев онежских текстов, не образуют, однако, редакции, резко отделяющейся в кенозерской традиции 70-х гг. Как и в былинах об Илье, здесь можно говорить только об особом типе былины, варьирующей и изменяющей в деталях общие черты кенозерской вариации. Развитие сюжета на Кенозере дано с включением образов сказок и эпизодов

из мирового эпического богатства /например, введен мотив единоборства богатыря и женщины/. Кенозерские варианты былины о Добрыне и Алеше имеют следующее содержание: У князя Владимира идет пир. Князь рассказывает о приезде поединщика. Навстречу поединщику посылают Добрыню. Добрыня возвращается домой и сетует на свою судьбу /общеэпическая формула/; он прощается с матерью и дает наказ жене не выходить замуж за Алешу Поповича. У Пучай-реки Добрыня встречается с Бабой-Ягой и вступает с ней в бой. Баба-яга уже побеждает Добрыню, но Илья приезжает и учит Добрыню, как победить Бабу-Ягу. Между тем Алеша и Владимир насильно заставляют Настасью идти замуж. Илья сообщает об этом Добрыне. Добрыня возвращается домой. Мать узнает его по особым приметам, дает ему скоморошье платье и гусли и Добрыня идет на свадебный пир своей жены. На пиру Добрыня играет на гуслях и подносит жене чару вина с обручальным кольцом. Жена узнает его, Добрыня бьет Алешу и с женой возвращается домой.

Такое построение сюжета — общее для кенозерских записей 60-х — 70-х гг. Записи 1927 г. дали только одно отклонение от нее. Опубликованный в сборнике Ю. Соколова и В. Чичерова вариант А.Г. Болозневой /№1277/ совершенно не упоминает об Илье. Весть о свадьбе передают Добрыне голуби, которых посылает к нему его мать. Аналогичные варианты пелись на Онеге; видимо один из них был занесен на Кенозеро и там сохранился[31].

Калика из Красной Ляги	**А.Г. Болознева**
П.Н. Рыбников...II. № 193 стр. 594	*Ю.Соколов и В. Чичеров, № 277 стр. 876*
«И тая ли Добрынина матушка Посылала кормленого голубя со голубушкой, Ищите-тко своего хозяина». И прилетели голубь со голубушкой Во то ли королевство заморское...»	«А села матушка под окошецьком, Заплакала, заголосила тут, Голубю с голубушкой наказывала: – «Ты лети, голубь со голубушкой, Во цюжу дальнюю сторонушку...» Как полетели голубь со голубушкой Во дальнюю сторонушку...»

А.Г. Болознева переняла эту былину от своего отца (см. биографическую справку о ней).

Основная кенозерская схема былины использует популярный зачин о наезде поединщика, вводит интересный мотив боя с Бабой-Ягой, акцентирует роль Ильи Муромца. Формула встречи Добрыни и Бабы-Яги весьма напоминает формулу встречи Добрыни и Змея. Встреча Добрыни и с той и с другой происходит у Пучай-реки.

Воинов (ср. Поромского)

Добрыня и Алеша

«Захотелось Добрынюшке помытися,
Помытись Добрыни покупатисе.
На ту пору да на то время
Налетела курва Яга-баба...»

Тряпицын

Добрыня и Змея

«Да приехал ли Добрыня
ко Пучаю ко реки...
И захотелосе Добрыни
покупатисе ему...
Забродил он во матку
во Пучай-реку,
Да заплыл Добрыня за
первую струю,
И налетела тут Змея, Змея лютая...»

Не лишено вероятия, что встреча Добрыни с Бабой-Ягой оформилась в былине под влиянием былины о Добрыне и Змее. Самый образ Бабы-Яги мог быть заимствован из сказки — волшебная сказка на Кенозере была очень популярна и в 20-х гг. XX в. Объяснение же появления мотива боя Добрыни с Бабой-Ягой следует искать в общем состоянии фольклора и, в частности, былевого эпоса на Кенозере. Видимо, уже в середине XIX в. на Кенозере не было четких граней между былевыми и сказочными образами — специфика жанра со всей четкостью не ощущалась. Мотив боя с Бабой-Ягой, отделяющий кенозерскую редакцию былины о Добрыне и Алеше от редакций других мест, у некоторых сказителей акцентирован. Например, в варианте Гусева самая цель поездки в поле определяется, как приказ богатыря ехать в поле биться с Бабой-Ягой.

Образ Добрыни, как и образ Ильи, целостен в разных былинах. Менее сильный, чем Илья, сетующий на свою судьбу, посылающую богатыря от спокойной жизни в семье на заставу богатырскую, более легкомысленный, иногда необдуманно совершающий поступки /ср. «Добрыня и Маринка»/, но всегда привлекающий к себе внимание и симпатии — таков Добрыня кено-

зерских былин. Образ Добрыни более лиричен; этот богатырь не способен на буйство, как эпически-мощный Илья, это младший брат главного богатыря, чувствующий на себе его заботы; сам Добрыня обращается к Илье за помощью:

–«Да й же ты, любимый ты мой дядюшка,
Начальный богатырь Илья Муромец!
Пособитко убить... Ягой-Бабы»[33].

Кенозерские былины объединяют положительные персонажи, подобные Добрыне, вокруг Ильи Муромца. Не только Добрыня, не только богатыри заставы, но и заезжий гость Дюк Степанович — все подвластны Илье. Захвастливый Дюк из Волынца-города из Галича, в первый раз встретив Илью, кланяется ему, поклоняется.

–«Да едино солнышко на небеси,
Един богатырь на святой Руси,
Един Илья да Илья Муромец!»[34].

И, как другим богатырям Илья обещает Дюку свою помощь в случае нужды.

Миру богатырей-народа противопоставлен мир Владимира-Чурилы. Илья живет на заставе богатырской; о Киеве он отзывается нелестно.

«Да живут там ведь люди лукавые,
Да и станут налегать на тебя, молодца...»[35].

Лукавые люди во главе с князем Владимиром способны на бесчинства; Владимир — защитник беззакония. Именно Владимир наказывает Алеше:

– «Поди-тко Олеша, ты к ей сватайся.
Буде добром иде, дак ей добром бери,
Добром нейде, дак забоем бери,
Ты силой бери да богатырскою,
Грозою бери да княженецкою...»[36].

Этот мир беззакония показан великолепными зарисовками картин общественного быта. Жизнь города, взаимоотношения слоев общества, нравы и обычаи изображаются кенозерскими былинами.

На Кенозере развивались новеллистические былины с социально-бытовой тематикой и своеобразной разработкой героических образов богатырей; внимание к вопросам общественной жизни приводит и к сохранению скоморошьей сатирической былины — «Старины о большом быке», «Гостя Терентьище», «Птиц» (последние известны в 6 вариантах, т.е. 3,1% всех записей, сделанных на Кенозере). Великолепная сатира «Птиц» является картиной социального бесправия крестьян и самоуправства властей (ср., например, в сборниках Н.П. Рыбникова — II, № 189, А.Ф. Гильфердинг, №№ 264, 20, 298).

На фоне этой общей кенозерской традиции делается вполне понятным культивирование Поромским таких былин, как «Добрыня и Алеша» и «Молодость Чурилы» /которые можно назвать памфлетами на князя/, как «Смерть Чурилы» и др. Традиция Поромских сохраняет редкую былину о молодости Чурилы — один из совершенных образцов народных новеллистических былин. Самый сюжет былины порождает обрисовку стольного Владимира князем-взяточником.

К князю приходят мужики с жалобой на чурилину дружину, вылавливающую из реки всю рыбу, стреляющую в лесу зверя, бесчинствующую в городе. Князь Владимир едет в чурилино поселье рассудить жалобы. Князя встречает отец Чурилы. Чурила приезжает и дарит Владимиру богатые подарки. Получив дары, Владимир не желает слушать жалобы на Чурилу и приглашает Чурилу жить в Киеве. Отдельные варианты дополнительно рассказывают, что Владимир сделал Чурилу стольничьим; княгиня просит сделать его постельничьим и только тогда Владимир отсылает Чурилу из княжеского терема. В варианте Поромского углубленно обрисованы созданные в былине образы. Основной образ былины «Молодость Чурилы» — князь Владимир. Но сам он появляется только в конце былины. К Владимиру же аппелируют «мужики-огородники» (жители города), как к справедливому судье. Первая половина былины строится на повторяемых все более и более значительных просьбах о защите и помощи.

«Наехала дружина-та чурилова,
Да лук-чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,

Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы-де довели,
Красных девиц а опозорили»[37].

Жалобы на Чурилу и перечень преступлений чурилиной дружины завершается решением Владимира поехать в чурилино поместье для суда справедливого. Вторая часть былины дает неожиданный эффект, богатые дары Владимиру вызывают решение князя-судьи:

«Да хоша много было на Чурила жалобщиков,
Да побольше того де челом-битчиков,
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам...»[38].

К отрицательным качествам князя, отображенным и в этой былине /например, трусость — см. в варианте Воинова испуг князя при виде подъезжающего к терему Чурилы/, добавляется еще одно, новое, — взяточничество; былина звучит как отображение зла, знакомого народу в повседневной жизни, зла, узаконенного князем.

60-е — 70-е гг. XIX в. четко обрисовывают кенозерскую традицию, в которой выделялись былины мастеров народного эпоса. Выдающимися мастерами Кенозера были Поромский (и группа сказителей, певших общие с ним варианты былин), Гусев и другие. Особо следует отметить также сказителя Ив. Мих. Кропачева, более известного по прозвищу Лядков, крестьянин дер. Мамонова. Однако, по материалам кенозерекой экспедиции 1927 г., традиционными стали по преимуществу варианты Поромского. Былины, перенятые от Гусева и Кропачева, сохранились в одиночных записях. Из былин Кропачева только одна — «Женитьба Ивана Годиновича» —сохранилась в памяти односельчанки Кропачева Акулины Ножкиной[39].

Рассматривая кенозерские былины, тексты Кропачева следует признать наиболее далекими от основных редакций местной традиции и в частности от вариантов, записанных от Поромского. Былины Кропачева иногда необычны по сюжетам (например, слиты сюжеты «Молодость Вольги» и «Щелкан»), допускают путаницу имен (см. А.Ф. Гильфердинг № 255 «Микула Селянинович и Иван Годинович»), абсолютную свободу используемых формул, появляющуюся как результат разложения воспринимаемых текстов на элементы (см. «Женитьбу Ивана Годиновича»), импровизационность при повторах былин и старых исторических песен (ср. тексты «Кострюка» в сбор-

никах Рыбникова и Гильфердинга), резкое отклонение в разработке ряда сюжетов от местной традиции и традиции ближних мест (ср. своеобразное соединение сюжетов «Голей» и «Калина-царя» — А.Ф. Гильфердинг, № 257; уничтожение традиционного образа матери в былине о Василии Буслаеве — там же, № 259 и т.д.). Даже поверхностный просмотр текстов Кропачева обнаруживает, что в большинстве его текстов преобладает импровизация[40]. Может быть именно бóльшая свобода в варьировании текстов и ослабленные связи с устойчивой местной традицией привели к тому, что тексты Кропачева, несмотря на их несомненную художественность и заострение в них социального момента, не получили распространения и забылись.

Сопоставление записей былин 60 — 70-х гг. XIX в. с записями 20-х гг. XX столетия дает возможность сделать и некоторые заключения о судьбах былин. В 20-х гг. на Кенозере «воздух перестал дышать былинами». Былинная традиция явно умирала и тексты более или менее хорошей сохранности жили в памяти немногих сказителей, воспринявших былины от Поромского. Как показывает приведенное выше сопоставление текстов, почти все сказители 20-х гг. механически повторяли запомнившиеся им варианты. Единственный человек из них, характеризуемый в большей или в меньшей мере творческим подходом к воспринятому наследству — Авд. Тим. Артемьева из Першлахты[41]. Но и ее тексты далеко не все оригинальны и часто являют собой простой пересказ вариантов 70-х гг. Несомненные преемственные связи устанавливаются между ее вариантами и вариантами Поромского и Воинова в былинах «Добрыня и Маринка», «Дюк Степанович», «Царь Соломон и Василий Окулович», «Авдотья Рязаночка». О связях с традицией школы былин-баллад Артемьевой судить весьма трудно, так как они имеют общий извод. Артемьева, восприняв традицию школы, расширила ее репертуар. Расширение, однако, шло в плане традиции: не за счет героических воинских сюжетов, а по преимуществу путем добавления новелл и баллад. Былина «Чудь Белоглазая» — уникальна, связана с духовными стихами и выпадает из репертуара Артемьевой. Сохранность ее не вполне удовлетворительна — например, смят конец былины. Дефектность текста указывает на случайность его в репертуаре сказительницы, на забвение ею этой ценной былины.

Близость текстов Артемьевой вариантам Поромского обнаруживается, например, при сопоставлении текстов «Чурилы и Катерины»[42]. Артемьева сохраняет типичную детальность описаний, четкость зарисовки внешней обстановки и портрета.

Поромский

Накануне было праздника христово
дня,
Канун-де честного благовещенья,
Выпадала порошица-де, снег
а молодой.
По той-де порохе по белому по снежку,
Да не белый гороносталь следы
прометывал.
Ходил-де, гулял ужо купав молодец,
Да на имя Чурило сын Пленкович.
Да ронил ён гвоздочики серебяные,
Скобочки позолоченные.
Да вслед ходя малые ребятушка.
Да собирали гвоздочики серебряные,
Да тем-де ребята головы кормят...

Артемьева

А в канун было праздника,
А цестного годового благовещенья,
А выпала пороша-снег молодой.
А по той ли по молодой порошеци
А ни серый заець пробегивал,
А ни белый горностай
следы прокладывал.
А тут шол-прошол видь
таков молодець,
А и молодой-от Чурила
сын Пленко-виць,
И обранивал гвоздоцьки
серебряныи,
А и скобоцьки да позолоценыи.
А маленьки ребятушки побегивали,
Да эти гвоздоцки да
скобоцьки собирывали.
А тем наши ребятушки
голову кормят...

Сопоставление начальных строк былины достаточно убедительно показывает точное следование Артемьевой воспринятому тексту. Дальнейший текст былины также близок варианту Поромского. Отклонения ее былины от варианта Поромского имеют характер отступлений, которые может допустить каждый сказитель при повторных исполнениях былины. Так, Артемьева говорит «сидела Катерина у окошечка», тогда как у Поромского она отворяет окно; в варианте Поромского Катерина просто приглашает Чурилу в терем; у Артемьевой Катерина приглашает его позабавиться, сыграть в шашки и т.д. Большинство отклонений варианта Артемьевой от текста Поромских идет по линии сокращения описаний. Так сокращен рассказ о смерти Чурилы; сокращено изложение женитьбы Бермяты на девке Чернавке. Самый же сюжет, общий для всех мест, где записана эта былина, остается неизменным.

Тенденция к сокращению текста вообще характерна для Артемьевой. При этом подчеркиваются бытовые элементы, наблюдается тяготение к фор-

ме баллады. В связи с этим образ Ильи Муромца как бы выводится за пределы основного цикла артемьевских былин. Богатырь Илья, с которым связана наиболее яркая воинская былина Кенозера — «Илья и сын» в творчестве Артемьевой представлен всего одним сюжетом — «Тремя поездками». Ни боя с сыном, ни мотивов «Идолища поганого» Артемьева уже не знала. Буйная сила Ильи кенозерских текстов из былин Артемьевой исчезла. Естественно, что Илья исчез и из ее новеллистических былин; в «Дюке Степановаче» сказительница, например, совершенно опускает эпизод встречи Дюка с Ильей. Артемьева вообще сводит на нет элементы богатырского состязания, имеющие место в этой былине; так, весь эпизод скаканья на конях через Пучай-реку у нее занимает всего 17 стихов (у Поромского он изложен в 38 стихах). Заметно уменьшение внимания к элементам героической былины и возрастание роли деталей новеллистического характера.

Артемьева в былину о «Дюке» вносит еще одно изменение: роль Чурилы передана Алеше Поповичу. Видимо, это произошло по связи с былиной о «Добрыне и Алеше». И в той, и в другой былине есть много общего в роли антагониста героя в его самохвальстве, неудачливой самонадеянности. Алеша пытается «от живого мужа жену отнять» и за это получает от Добрыни жестокие побои; также и Чурила, всячески старающийся очернить заезжего молодца, побежденный в споре с Дюком, получает столь же жестокую расправу. В редакции Артемьевой Алеша Попович во многом лишен качеств богатыря. Недаром он — приближенный Владимира и живет в княжеском Киеве, о котором идет нехорошая молва: «Во Киеви живут мужики лукавыи...»[43].

Исчезновение элементов богатырских былин отчетливо и в «Добрыне и Алеше». Здесь совершенно изменено характерное кенозерское начало былины о пире у князя Владимира, на котором решают послать Добрыню навстречу нахвальщику (см. выше). Артемьева начинает свою былину мотивом, заимствованным из «Ивана Годиновича». Добрыня говорит о дочери Николы Зиновьева, на которой просит разрешения жениться. Только уже после этого говорится о посылке Добрыни в поле. О посылке его сказано в трех строках:

«И говорит царь Добрынюшки Микитицю:
— «Ай же ты, Добрынюшке Микитинець,
Там неприятель поставил заставушку широкую»[44].

Эпизод встречи в поле с Бабой-Ягой, бой с ней, роль Ильи Муромца как «вестника», его помощь Добрыне в бое с врагом — словом, все элементы воинской героики, в варианте Артемьевой исчезли. Из воспринятой традиции Артемьева сохранила черты быта, черты новеллы. Сказительница их не только сохраняет, но и акцентирует — возможно, на основе контаминации с другими, не дошедшими до нас изводами (ср., например, эпизод возвращения Добрыни). Характерна также для вариантов Артемьевой судьба ее в репертуаре былины о Дунае Ивановиче («Добрыне-свате»). Артемьева исполняет только последнюю часть былины: состязание в стрельбе Дуная и Настасьи (в варианте Артемьевой Марьи Микуличны). Все предыдущее повествование: о поездке богатырей-сватов, о богатырских состязаниях у короля ляховецкого, об избиении врагов, о бое в поле с поляницей — исчезло. Эпический мотив превращения умирающих мужа и жены в реки приобретает самостоятельность повествования, сближаясь с былиной о Непре и Доне, неизвестной в пределах Онего-Каргопольщины[45].

Тенденция Артемьевой к превращению былины в бытовое повествование находится в связи с общим состоянием былевой поэзии на Кенозере в 20-х гг. XX в. По данным экспедиции на Кенозеро 1927 г., около 75% всех записей составляют новеллистические былины и бы-лины-баллады. Варианты былин Артемьевой, как одного из самых одаренных мастеров эпоса последних лет, ярко выражают общий процесс исчезновения на Кенозере элементов традиции богатырской былины, процесс тем более естественный и легко проходящий. Чистая богатырская былина на Кенозере не имела развития даже в 60-х — 70-х гг. XIX в. Не случайно, что из спетых Артемьевой 19 старин — 7 дают образцы баллад, превосходных по сохранности, но именно баллад / «Василий и Софья», «Роман губит жену», «Мать кн. Михаила губит жену», «Молодец и королевична», «Молодец и речка Смородинка» и др. Баллады Артемьевой также обнаруживают связи с местной традицией. Они были общими для эпической традиции в целом и многие из них тождественны с текстами, записанными в Заонежье и других местах Олонецкого края. Но есть и специфические кенозерские черты. Еще А.Ф. Гильфердинг записал от Лядкова-Кропачева «Молодца и королевичну» и «Молодца и речку Смородинку». Записи имели некоторые особенности. Так, в «Молодце и королевичне» почти совершенно исчез мотив связи героев и похвальбы молодца в кабаке. Былина развертывает описание казни молодца, соединяя с ней мотив самоубийства королевичны. Артемьева сохраняет местный извод, известный и по записи 70-х гг., остается верной кенозерской традиции баллад.

То же следует сказать и в отношении «Молодца и реки Смородинки». Кенозерская редакция в начале дает интересную контаминацию с сюжетом «Молодец и худая жена».

Лядков

«Да женил молодца родной батюшко.
Да чужой-то дальней сторонушки,
Да брал-де он ему молоду жену
Да брал за женой приданого
Три, три черненыих ко́рабля,
Да первой-от гружон черён кора́бь
Был златом и серебром,
А другой-от гружон черён кора́бь
Все скатниим жемчугом,
А третей-от гружон черён кора́бь
Все жениным приданыим.
Тут молодцу-де жена не в любовь пришла,
Не в любовь-де пришла ему, не по разуму...»[46].

Артемьева

Как женил меня батюшка
да на ином на городи,
Да взял жонина приданого
Три цернёныих три ко́рабля.
А первый был гружён кора́бь
Все дружинушкой хороброей,
А другой был гружён кора́бь
Золотой казной несцётною,
А третий был гружён кора́бь
Все ее платья цветныи (2р),
Все-то женино приданое.
А жена жа мне-ка, молодцю,
Да ни по уму да ни по разуму...»[47].

Строки из сюжета «Молодец и худая жена», так блестяще разработанного Тр. Гр. Рябининым в самостоятельную былину, традиция Кенозера включила зачином к былине о похвалившемся молодце и мести ему черной реки Смородинки. Женитьба на худой жене мотивирует отъезд молодца в чужедальную сторону. Но приезд к королю Литовскому и история любви молодца с королевичной заменяется в кенозерской редакции гибелью молодца в волнах реки. Эта замена бытового эпизода драматической гибелью героя усиливает балладность в вариантах Лядкова, Ирины Андреевой (см. биографическую справку о ней — Гильфердинг., стр. 1262), Артемьевой и других сказителей Кенозера.

В 20-х гг. XIX в. былевая поэзия на Кенозере сохранилась в виде застывшей традиции у учеников мастеров эпоса 60 — 70-х гг. XIX в. Хранители кенозерской традиции, воспринявшие варианты Поромского, Калитиной, Гусева и других, воспроизводят их с точностью, измеряемой их памятью. Они — исполнители вариантов, воспринятых некогда от сказителей, встре-

ченных Гильфердингом. В условиях Кенозера с его ослабевшей к 20-м гг. XX в. жизнью былевых богатств более уже не восстанавливалась традиционная монументальность героического эпоса. Усиливая лирический элемент, сказители фактически создавали лироэпические произведения, содержание которых раскрывали моменты наибольшей драматической напряженности в жизни человека. При этом нередко новеллистические былины, ранее характерные для Кенозера, становятся балладами, повествующими об исключительности чувств и переживаний человека в решительные моменты его жизни. Процесс изменений кенозерской былевой традиции, отмеченный в творчестве Артемьевой, весьма типичен. Он может быть обобщен: это процесс, общий для всех одаренных сказителей-кенозерцев. В 20-е гг. былевая традиция на Кенозере исчезала, заменяясь другими разнообразными произведениями народного творчества. Повторная поездка на Кенозеро, осуществленная в 40-х гг. сотрудниками Института Этнографии АН СССР (Г.С. Маслова и др.) подтвердила исчезновение былин из устного бытования в кенозерских деревнях и селах.

Сноски

[1] А.Ф. Гильфердинг. Онежские былины, 1873, стр. 31.
[2] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1045.
[3] Рыбников в «Заметках собирателя» называет его «Поромским стариком».
[4] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1045.
[5] См. Ю. Соколов и В. Чичеров. Онежские былины. Летописи Госуд. Литерат. Музея, т. 13, М., 1948.
[6] П.Н. Рыбников, т. II, № 199, стр. 632–638.
[7] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1048.
[8] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1085.
[9] И.М. Калитин повторял эту формулу совершенно точно. См. в указ. Сборнике Ю. Соколова и В. Чичерова «Онежские былины».
[10] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1151.
[11] Там же, стр. 1200.
[12] Общность текстов Поромского (Воинова, Калитиных) и Костина, Кукшинова, Третьякова подтверждается общими и переходными текстами обращения к коню, описание боя, формулами вопросов и ответов, некоторыми именами. Возможно, что тексты Поромского, как наиболее совершенные на Кенозере, повлияли на тексты других сказителей.
[13] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1087. Ср. почти дословно совпадающую формулу Калитиной на стр. 1127. В записи Гильфердинга былины Поромского этой подробности нет. Она имеется в записи Рыбникова (см. Рыбников, т. II, стр. 517).
[14] Амуниция, одежда; ср. у Тряпицына «балахонишко».
[15] Обрывком
[16] А.Ф. Гильфердинг, № 220, стр. 1050. См. дословные совпадения с Меньшиковой (там же, № 281, стр. 1234).
[17] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1147.
[18] Ср. В сборнике Ю. Соколова и В. Чичерова «Онежские былины» запись от ее сына И.М. Калитина.
[19] Ср. цитированную выше концовку былины Поромского.
[20] А.Ф. Гильфердинг, вариант Кукшинова № 249, стр. 1155–1156.
[21] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1052, 1202, 1137.
[22] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1046. Вариацией текста Поромского, напечатанной в сб. Ю. Соколова и В. Чичерова «Онежские былины» является также былина о «Трех поездках Ильи» Спицыной /ср. выезд Ильи, разговор Ильи с разбойникаии и т.п. см. стр./
[23] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1155.

[24] Ср. в биографической заметке о Кукшинове: «Кроме былин, здесь помещаемых, знал, но плохо, про Грозного царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую. /Гильфердинг, стр. 1155/. Видимо Кукшинов вообще не является мастером былевого искусства. Спетый им «Илья и Алеша Дородович» представляет собой путанный вариант «Ильи и сына»; «Молодость Чурилы» — дефектная былина /без конца/.

[25] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1247–1248.

[26] Ср. вариант Лядкова, контаминирующий «Голей» с «Калином-царем», что позволяет выдвинуть проблему социальных взимоотношений на первый план.

[27] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1059.

[28] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1047.

[29] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1047.

[30] А.Ф. Гильфердинг. Вар. Поромского, № 222, стр. 1055. См. на той же странице в сноске о былине Ильи Максимова из дер. Немятовой. Ср. вариант Воинова № 228, стр. 1090–1091.

[31] П.Н. Рыбников, т. II, № 193, стр. 590.

[32] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1093, 1139.

[33] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1094.

[34] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1103, ср. на стр. 1072.

[35] Там же, стр. 1072.

[36] Там же, стр. 1094.

[37] А.Ф. Гильфердинг, стр. 1061.

[38] Там же, стр. 1063.

[39] Ю. Соколов и В. Чичеров, стр. 838–842.

[40] Былины Кропачева-Лядкова представляют собой материал для самостоятельного исследовательского этюда. Поскольку его тексты не оказали существенного влияния на кенозерскую традицию былин, в настоящей работе они детально не рассматриваются.

[41] Былины А.Т. Артемьевой см. в сборнике Ю. Соколова и В. Чичерова, №№ 211–228.

[42] А.Ф. Гильфердинг, № 224, стр. 1065–1066, сборник Ю. Соколова и В. Чичерова, № 43. Ю. Соколов и В. Чичеров….№ 216, стр. 765. Ср. в вар. Поромского, Воинова и др.

[44] Там же, № 213, стр. 761.

[45] Аналогична переработка Артемьевой песни «Иван Грозный и сын» и других эпических произведений (ср. тексты сборника Ю. Соколова и В. Чичерова с текстами сборников Рыбникова и Гильфердинга).

[46] А.Ф. Гильфердинг, № 262, стр. 1193.

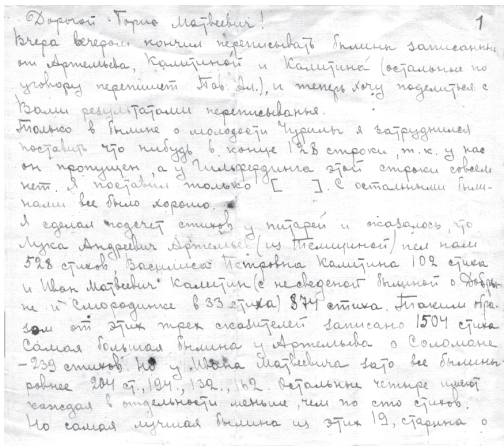
[47] Ю. Соколов и В. Чичеров, № 221, стр. 780.

Приложение

Владимир Иванович Чичеров (слева), Борис Матвеевич Соколов во время экспедиции в Пудожском районе Автономной Карельской АССР. 1928 год. Государственный литературный музей

Владимир Прокопьевич Аникин (справа), Екатерина Александровна Ремезова (в центре) со студентами МГУ им. Ломоносова. 1960-е годы. Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова

Деревня Поромский остров. 1927 год. Государственный литературный музей



Дорогой Борис Матвеевич! 1

Вчера вечером кончил перепечатать былины записанные от Ермилова, Калитиной и Калитина (остальные по уговору перепишет Под. Ин.), и теперь хочу поделиться с Вами результатами перепечатания.

Только в былине о молодости Чурилы я затруднился поставить что нибудь в конце 1-й строки, т.к. у нас он пропущен, а у Никифорова этот стих совсем нет. Я поставил только [ ]. С остальными былинами все было хорошо.

Я сделал подсчет стихов у гитарей и оказалось, что Лукса Андреевич Ермилов (из Шенкурской) пел нам 528 стихов, Василиса Петровна Калитина 102 стиха и Иван Матвеевич Калитин (с неведомой былиной о Добрыне и Соловодине в 33 стиха) 874 стиха. Таким образом от этих трех исполнителей записано 1504 стиха. Самая большая былина у Ермилова о Соломане – 239 стихов. Но у Ивана Матвеевича зато все былины равные 204 ст., 194., 192., №2. Остальные четыре имеют господ в отдельности меньше чем по сто стихов. Но самая лучшая былина из этих 19, старина о

Мне и Добрыне (Мне и змеи) записанная у Калитина. Она у Ирины Евгеньевны имела 144 стиха, а у нас 162. Но это увеличение количества стихов не в ущерб ей. Она приобрела только большую степень, т.к. когда в ней говорится о том либо, то к нему обязательно прибавляется все этот.

По всей вероятности это любимая былина Ивана Матвеевича, раз он ее так сохранил.

Замечательно сохранилась Щенкин Будентьевич. Между текстом Никифорова и нашим, разница в пять строках. У Никиф-ча 25 стихов, у нас 20. не хватает строк песни. "Ты веры (гитары) Добрыня разумна ... и т.д." (четыре строк) Но зато в ответе сестры Щенкина есть напевание смерти змея. У Никиф-ча просто за смерть змеиленка она требует смерти.

Небылица так же близка на один стих. В нашей пропущено четыре строки в конце, но зато в середине три строки выпущены.

Добрыня и Соловодина у Никифорова называется "Отъезд Добрыни". В нем 42 строки, а в нашем между 33. Интересна еще следующая разница: Никифоров в

примечании говорит, каждый стих поется два раза. 2

Когда же записывал Иван Матвеевич он стих по одному разу.

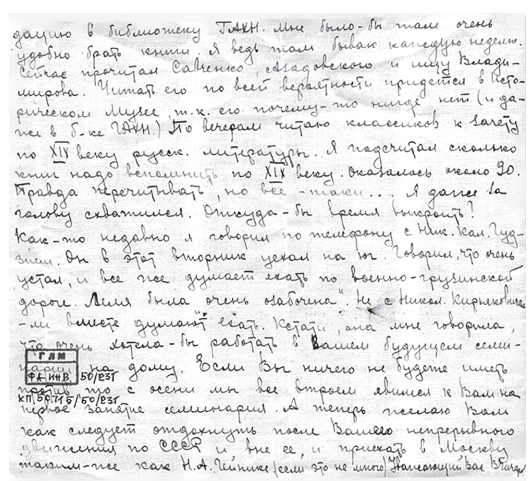
Между былиной Мне, змеи, Идолище записанной нами и текстом Никифорова разница 13 стихов. У него 207, у нас 194.

Зато все три былины не записанные Никифоровым от Калитиной из-за ~~[illegible]~~ большого сходства с текстами Ивана в нашем записях на много лучше текста Никифорова. Добрыня и Змеи у него 340 – у нас 204., Мизгирь Чурилов у него 303, у нас 192 ст., и Дюк у него 340 (самая большая былина), у нас 32 (правда, только начало).

Остальные былины (Ермилова и Калитиной) все ~~[illegible]~~ лучше текста Никифорова и Рябинова. Даже записанный Рябиновым Илья 315 строк, а у нас 239. Разница все-таки порядочная.

К первому числу должен приехать Павлинович, и ему передам черновики былин. Я думаю [illegible] не задержит к Вашему приезду все перепечатать.

Жду с нетерпением приезда Ирины Матвеевны, т.к. хотел узнать подробнее как обстоят дела в Перпилеме. И потом я хочу попросить ее дать мне рекомен-



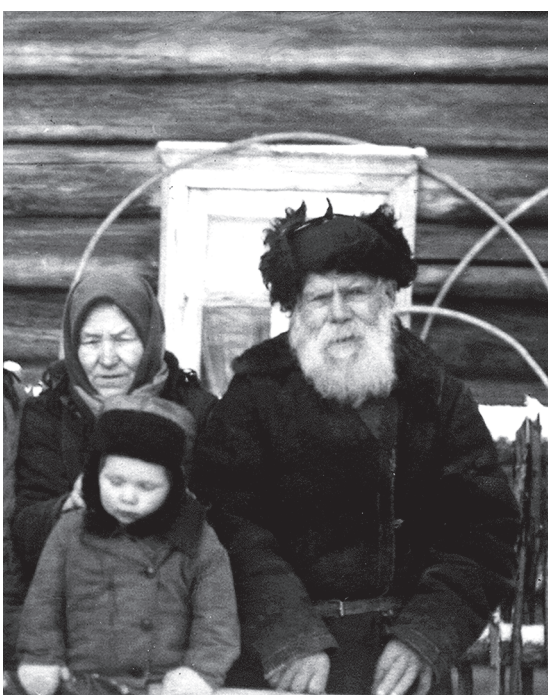
дацию в библиотеку ГАИН. Мне было-бы там очень удобно брать книги, я ведь там бываю каждую неделю. Сейчас прочитал Савченко, обаровского и книгу Владимирова. Читать его по всей вероятности придется в Историческом Музее, т.к. его почему-то нигде нет (и даже в Б-ке ГАИН.) По вечерам читаю классиков к экзамену по XIX веку русск. литературы. Я подсчитал сколько книг надо экзаменнуть по XIX веку. оказалось около 90. Правда перечитывать, но все-таки... Я даже за голову схватился. Откуда-бы время выкроить?

Как-то недавно я говорил по телефону с Ник. Сам. Гудзием. Он в этот вторник уехал на Ин. Говорил, что очень устал, и все еще думает ехать по военно-грузинской дороге. Лиля была очень взволнована. Не с ними Кирилловичи-ми вместе думают ехать. Кстати, она мне говорила, что Вы хотели работать в Вашем будущем семинарии по дому. Если Вы ничего не будете иметь против то с осени мы все второго лишнего к Вам на первое занятие семинария. А теперь желаю Вам как следует отдохнуть после Вашего непрерывного движения по СССР и вне его, и приехать в Москву тогда-же как Н.А. Рейтлинг (если это не лишь) Напишите Вам

ГАИМ
Инв. № Ф.К.ИВ.В. 50/ЕЗТ
Подпись
КП 56:П6/60/ЕЗТ

В.И. Чичеров. Письмо Б.М. Соколову. 1920-е годы. Фотокопия рукописи. Государственный литературный музей

Участники экспедиции «По следам Гильфердинга»: С.П. Бородин, Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов, В.А. Дынник, П.А. Грушников, В.И. Чичеров (нижний ряд, справа), крестьянин-возник. Каргополь. 1927 год.
Фото М. Ильина. Государственный литературный музей



Сказитель Федор Тимофеевич Сивцев.
1950-е годы.
Семейный архив К.Ф. Шишкиной

Научное издание

Чичеров Владимир Иванович

Былины на Кенозере

Ответственный за выпуск М.Н. Мелютина
Оригинал-макет и дизайн обложки А.В. Мартыновой
Фото на обложке Н.Н. Чеснокова

Подписано в печать Формат 70х100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond
Печать офсетная. Усл. печ. л. XXX.
Тираж 300. Заказ №

Типография ЗАО «Партнер НП»
164500, г. Северодвинск, пр. Беломорский, 48
тел. (8184) 55-08-48